

АНИМАЦИОННАЯ

ОН — ЧЁРНАЯ ДЫРА.

ОНА — СВЕТ,

КОТОРЫЙ НЕ ПАДАЕТ.

СТРЕЛЕЦ А

ИНОГДА, ЧТОБЫ НАЙТИ СВЕТ,
НУЖНО ПЕРЕСТАТЬ ПАДАТЬ В ЧУЖУЮ БЕЗДНУ.

Ли́ра Оско́льская

Стрелец А

<https://litres.ru/74327979>

SelfPub; 2026

Аннотация

Успешный актёр, неосознанно разрушающий жизни женщин, встречает единственную, которая не поддаётся его гравитации, и впервые сталкивается с невозможностью быть центром чужой вселенной

Это история не о любви. О том, что даже чёрная дыра может встретить объект, который не падает. О том, что пустота может столкнуться с завершённостью. О том, что самый страшный монстр Вселенной не тот, кто сжирает, а тот, кто вдруг понимает, что он монстр.

Стрелец А. И одна женщина, которая не умеет падать.

Содержание

Глава 1.	5
Артём.	8
Глава 2	39
Глава 3	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Лира Оскольская

Стрелец А

Глава 1.

Вы когда-нибудь задумывались о том, что находится в самом центре нашей галактики?

Не на поверхности, не среди звёзд, которые можно увидеть в ясную ночь, не в бесконечном пространстве между созвездиями. А глубже. Там, куда человеческий взгляд никогда не доберётся. В центре Млечного Пути находится объект, который невозможно увидеть непосредственно.

Стрелец А^{1*}.

Чёрная дыра массой около четырёх миллионов Солнц. Сложно представить такую массу. Слишком большое число, чтобы оно имело человеческий смысл. Поэтому мы превращаем его в картинки, схемы, цифры. Говорим о горизонте событий, об аккреционном диске, о гравитации, из которой не способен вырваться даже свет. Но за всеми этими словами скрывается нечто гораздо более простое.

Всё, что подходит слишком близко, уже не может уйти. Сначала оно ещё сопротивляется, вращается, ускоряется, раскаляется. Вещество, попавшее в гравитационное поле чёрной дыры, начинает двигаться по спирали, словно пытается найти выход там, где выхода никогда не было. Оно светится всё ярче и ярче, настолько ярко, что человеку со стороны легко принять это свечение за красоту.

¹ Сверхмассивная чёрная дыра в центре галактики Млечный путь

Но это не красота, это - агония. Последние мгновения материи, которая ещё существует, хотя уже обречена. Чёрная дыра не испытывает к ней ненависти. Не желает ей смерти. Не получает удовольствия от разрушения. Она вообще ничего не чувствует.

Она просто существует. И именно поэтому от неё невозможно защититься. Человеку свойственно искать в других людях намерение. Если кто-то причиняет боль, мы хотим знать зачем. Если нас предают - ищем причину. Если рядом с нами становится плохо, пытаемся понять, сделал ли это человек сознательно.

Но иногда причины нет. Иногда человек просто такой. Он входит в твою жизнь, и вокруг него становится светлее. Он смеётся и тебе хочется смеяться вместе с ним. Он смотрит на тебя и тебе кажется, что впервые за долгое время тебя действительно видят. А потом ты замечаешь, что перестал спать. Перестал встречаться с друзьями. Перестал делать то, что когда-то любил. Ты всё чаще ждёшь его сообщений. Всё чаще пытаешься угадать его настроение. Всё чаще думаешь о том, почему он сегодня был холоднее, чем вчера.

И однажды обнаруживаешь, что твоя жизнь вращается вокруг него. Как вещество вокруг чёрной дыры. Такие люди редко выглядят опасными. Наоборот, мы называем их харизматичными, талантливыми, обаятельными.

Особенными. Им легко доверяют, за ними идут. Им прощают то, за что другого человека давно бы вычеркнули из

жизни. Они умеют заставить тебя почувствовать себя единственным. А потом, совершенно незаметно, делают так, что ты уже не представляешь себя без них. Их собственная пустота становится центром чужой жизни. Но что произойдёт, если однажды такая чёрная дыра встретит человека, который не станет вращаться вокруг неё? Не испугается? Попытается спасти? Не станет просить любви или просто останется на месте. Посмотрит прямо в бездну и увидит не чудовище. Не рок, а всего лишь тень.

Что тогда?

Что, если впервые за всю свою жизнь чёрная дыра поймёт, что она - не центр Вселенной? И что, если именно тогда начнётся история.

Артём.

Весна в Москве никогда не приходила торжественно.

Она не объявляла о себе заранее и не просила город подготовиться. Просто однажды утром снег исчезал с обочин, серый асфальт начинал блестеть от талой воды, а в воздухе появлялся запах земли, ещё холодной, влажной, но уже живой.

Вчера Москва была зимней. Сегодня - нет.

Артём заметил это, едва выйдя из подъезда. Он остановился на несколько секунд, поднял лицо к небу и прикрыл глаза. Солнце пробивалось сквозь облака, не слишком яркое, но неожиданно тёплое. После долгой зимы оно казалось почти чужим. Ему определённо нравились такие моменты. В них было ощущение перемены, хотя ещё ничего не изменилось.

Дом, в котором он жил, стоял в тихом переулке неподалёку от Патриарших прудов. Старый фасад, высокие окна, тяжёлая дверь, которую приходилось закрывать с некоторым усилием. Квартира досталась ему несколько лет назад, и за всё это время он так и не сделал её по-настоящему своей. Или, может быть, сделал. Просто по-своему.

Гостиная была обставлена так, будто кто-то готовил её к съёмке. Светлый диван ровно по центру, ни сантиметром вправо или влево. У окна кресло, развёрнутое так, чтобы си-

дящий в нём попадал в полосу послеполуденного света. На журнальном столике одна книга, всегда новая. Не для чтения, а для вида. На кухне стол и два стула. Вторым он почти никогда не пользовался. Нет, иногда пользовался. Когда приходили женщины.

Они приходили часто. Разные. С разными духами, разными голосами, разными историями, которые пытались рассказать все за один вечер, будто время было ограничено. Они садились на второй стул, клали сумку на колени, оглядывались. И на их лицах появлялось одно и то же выражение лёгкое недоумение, будто они ожидали увидеть что-то другое. Более живое. Более обжитое.

Артём не спрашивал, что именно они искали взглядом. Ему не было интересно. Они уходили утром, и он не помнил, как их зовут. Не потому что забывал. Просто не считал нужным запоминать. Второй стул снова становился пустым. И оставался пустым до следующего раза. На стенах не было фотографий. Ни одной. Ни родителей, ни друзей, ни женщин. Ничего, что привязывало бы к конкретному времени или человеку. На полках - книг, если не считать тех, что были нужны для работы. Пара сценариев. Сборник Чехова с закладками. Альбом по истории театра, который он купил, потому что обложка хорошо смотрелась на полке.

Иногда Артём думал, что его квартира похожа на театральную сцену до начала спектакля. Всё подготовлено. Всё на своих местах. Но декорации ещё не ожили. Единственное,

что здесь действительно было его - зеркало. Большое, в полный рост, в тонкой металлической раме. Оно стояло в прихожей, и Артём проходил мимо него каждый раз, когда куда-то собирался. Не для того чтобы проверить, как выглядит. Он и так знал. Просто взгляд сам цеплялся за отражение. На секунду. Как за подтверждение.

Он вышел на улицу, поправил воротник лёгкого пальто и пошёл в сторону театра. До работы было пятнадцать минут. Он почти всегда ходил пешком.

Артём был высоким. Широкие плечи, длинные пальцы, походка неторопливая, с лёгкой ленивой уверенностью человека, который знает, что ему не нужно никуда спешить, потому что всё уже ждёт его.

А Москва постепенно просыпалась.

На углу открывалось маленькое кафе. Оттуда пахло свежемолотым кофе и тёплой выпечкой. У входа стоял мужчина с телефоном у уха и нервно курил, периодически поглядывая на часы. Женщина с ребёнком пыталась одной рукой застегнуть ему куртку, а другой удержать воздушный шар. Ребёнок вырывался, а шар дёргался на ветру. Женщина смеялась.

Артём невольно улыбнулся. Он даже не заметил, как это произошло. Просто на секунду внутри стало тепло.

Это удивляло его в людях - способность испытывать сильные чувства по поводу совершенно незначительных вещей. Чужой смех. Запах дождя. Музыка из открытого окна. Случайное прикосновение.

В театре он умел изображать всё это. Любовь, Страх, Отчаяние, Ревность, Счастье. Он мог выйти на сцену и за несколько секунд заставить сотни людей поверить, что перед ними человек, у которого сейчас рушится жизнь.

Иногда Артём думал, что актёрство именно поэтому и давалось ему так легко, что он прекрасно понимал чужие чувства. Просто не испытывал необходимости испытывать их самому. Любовь - это не для него .

На Большой Никитской он замедлил шаг. Впереди показался театр. Здание было массивным, немного помпезным, с колоннами и высокими окнами. Для большинства людей оно было просто театром. Для Артёма - местом, где он провёл значительную часть своей жизни. Он знал, где скрипит половица за кулисами. Знал, какая дверь зимой закрывается хуже остальных. Знал, где после спектакля собирается пыль. Знал, в какой момент свет со сцены падает на зеркало в его гримёрке.

Он никогда не говорил, что любит театр. Слово «любовь» вообще редко появлялось в его мыслях. Но каждый раз, когда он входил через служебный вход и чувствовал знакомый запах дерева, грима, пыли и ткани, внутри что-то становилось спокойнее. Здесь ему не нужно было ничего объяснять. Здесь он точно знал, кто он.

Охранник поднял голову.

— Доброе утро, Артём Сергеевич.

— Доброе.

Он прошёл дальше. Внутри было непривычно тихо. Утро в театре всегда напоминало ему вдох перед первым словом - Пустой зал, погашенные софиты, сложенные декорации. Тишина, которая ещё ничего не обещает.

Артём поднялся по лестнице. Он шёл неторопливо, проводя ладонью по перилам. Здесь он чувствовал себя увереннее, чем где-либо ещё. Не потому, что был дома. Потому что здесь им восхищались.

Гримёрка встретила его прохладой. Артём снял пальто, повесил его на крючок и только потом посмотрел в зеркало. Отражение тоже, что и всегда

Он был красив. Высокий лоб. Тёмные волосы, немного растрёпанные после дороги. Чёткие скулы, которые ловили свет даже в пасмурный день. Прямой нос. Губы, которые в покое выглядели чуть насмешливо, будто он знал что-то, чего не знали другие. Серо-зелёные глаза - спокойные, внимательные, с тем особым выражением, которое женщины часто принимали за интерес, а мужчины — за вызов.

Лицо, которое хорошо смотрелось на афишах. Тело, которое хорошо смотрелось в костюмных примерках. Голос, который заполнял зал без микрофона. Он знал это. Знал давно. Знал, что когда входил в комнату, взгляды поворачивались к нему не сразу, а через секунду, как к чему-то, что нужно осмыслить. Знал, что люди смотрели на него чуть дольше, чем требовала обычная вежливость.

Женщины - особенно. Артём привык к этому настолько,

что почти перестал замечать. Почти.

Он сел в кресло и открыл сценарий. «Ревизор». Хлестаков. Сегодня - третий акт. Он провёл пальцем по странице и тихо проговорил первую реплику. Слова легко ложились на язык. Некоторые роли приходилось выстраивать. Эту - нет. Хлестаков словно жил где-то рядом с ним, ждал, когда ему позволят выйти.

В дверь постучали.

— Войдите.

Появился Владимир Сергеевич. Режиссёр выглядел так, будто уже успел устать от этого дня, хотя было только начало десятого. Волосы торчали в разные стороны, пальцы нервно перебирали карандаш.

— Ты уже здесь.

— Как видишь.

— Это хорошо.

Владимир Сергеевич прикрыл дверь.

— Нам надо поговорить.

Артём поднял глаза.

— О чём?

— О Михаиле.

Он едва заметно улыбнулся.

— А что с ним?

— Ты прекрасно знаешь.

— Не уверен.

Режиссёр вздохнул.

— Он хочет Хлестакова.

В комнате на несколько секунд стало тихо.

Артём снова посмотрел на сценарий.

— И?

— И он хороший актёр.

— Я знаю.

— Он считает, что заслуживает главную роль.

Артём медленно поднял глаза.

— А ты так не считаешь?

Владимир Сергеевич помолчал.

— Я считаю, что ты сильнее.

Ответ был именно тем, который Артём ожидал. Он улыбнулся, слегка. Ровно настолько, чтобы режиссёр почувствовал себя спокойнее.

— Тогда о чём мы говорим?

— Я хочу, чтобы ты не провоцировал его.

— Я?

— Артём.

— Я ничего ему не делаю.

Владимир Сергеевич посмотрел на него долгим взглядом. В этом взгляде было что-то, что Артём замечал всё чаще. Не страх, а скорее осторожность. Люди начинали осторожничать рядом с ним, когда узнавали достаточно долго. Он не знал почему или не хотел знать.

— Будь дипломатичнее, — наконец сказал режиссёр.

— Я всегда дипломатичен.

Владимир Сергеевич усмехнулся.

— Вот именно это меня и пугает.

Он вышел. Артём несколько секунд смотрел на закрытую дверь, потом снова перевёл взгляд на сценарий. Михаил. Ему нравилось раздражать Михаила. Не потому, что он ненавидел его. Ненависть требовала слишком много энергии. Ему просто нравилось ощущать, что другой человек хочет того, что принадлежит ему.

Главные роли. Внимание режиссёра. Аплодисменты. Женщин. Всё это было почти одинаково. Артём не видел между ними большой разницы. Он поднялся и вышел в коридор. Из костюмерной доносился тихий шум швейной машины. Он заглянул внутрь.

Лена сидела за столом, склонившись над тканью. Она работала сосредоточенно, почти не замечая окружающего мира. Солнечный свет падал из окна ей на лицо, подчёркивая тонкие скулы и чуть припухшие от усталости глаза. На пальцах следы мела. На запястье нитка, привязанная вместо резинки для волос.

Артём остановился в дверях и посмотрел на неё. Лена-девушка Михаила. Он знал это. Знал также, что Михаил относится к ней серьёзно. Говорил о ней с той неловкой нежностью, которую Артём находил почти смешной. Строил планы. Упоминал её имя в разговорах так, будто оно было продолжением его собственного.

И именно поэтому Артёму было интересно. Не Лена сама

по себе, а то, что она *принадлежала* Михаилу. То, что Михаил считал её своей. Своей женщиной, своим будущим, своим тихим вечером после репетиции.

Артёму хотелось посмотреть, что будет, если это «своё» вдруг окажется не таким уж надёжным. Не забрать, нет. Забирать ему было не нужно. Просто приблизиться. Достаточно, чтобы Михаил увидел. Достаточно, чтобы почувствовал. Достаточно, чтобы внутри у него что-то дёрнулось. Это было бы забавно. И справедливо, в каком-то смысле. Михаил хотел его роль. Артём возьмёт его внимание. Не женщину, а только тень на ней. Только секунду, когда она посмотрит не на Михаила, а на него.

Мелочь. Но мелочи всегда работали лучше всего.

— Красиво, — сказал он.

Лена вздрогнула и резко подняла голову.

— Артём!

Он улыбнулся.

— Прости.

— Ты умеешь появляться совершенно бесшумно.

— Профессиональное.

Она рассмеялась. И тут же смутилась собственного смеха. Опустила глаза. Поправила нитку на запястье. Артём заметил. Подошёл к столу. Медленно, так, чтобы она слышала каждый шаг. Чтобы успела поднять голову.

— Костюм готов?

— Почти.

Она подняла чёрный сюртук.

— Примеришь?

Он взял его. Ткань была плотной и прохладной.

— Хорошо сидит.

— Ты ещё не надел.

— Я знаю.

Она улыбнулась.

— Самоуверенный.

— Разве я когда-нибудь давал повод думать иначе?

Лена опустила глаза. Он увидел, как она снова покраснела. Как чуть приоткрылись губы от растерянности. Как пальцы сжали край ткани. Артём почувствовал знакомое удовольствие. Не желание - Власть. Совсем маленькую, почти безобидную.

Он мог заставить человека смутиться одной улыбкой. Одним взглядом, задержанным на полсекунды дольше, чем нужно. Зачем? Потому что мог. Потому что где-то сейчас, в другой части театра, Михаил репетировал второстепенную сцену и думал, что всё в его жизни стабильно. Роль. Женщина. Будущее.

Артём улыбнулся чуть шире. Пусть думает, пока.

— Отличная работа, — сказал он.

— Спасибо.

— У тебя талант.

Она посмотрела на него. На мгновение слишком долго. В этом взгляде было что-то, что Артём видел у многих женщин

- та самая секунда, когда любопытство переступает границу и становится чем-то другим. Чем-то, что она сама ещё не успела назвать.

Он не стал помогать ей с названием. Артём улыбнулся и вышел. Не обернулся, он и так знал, что она смотрит ему вслед.

Знал, что сейчас она сядет обратно за швейную машинку и несколько минут не сможет сосредоточиться. Что нитка будет путаться. Что она будет думать о нём. Не о нём настоящем, а о том образе, который он оставил в дверном проёме. Об улыбке. О голосе. О том, как он сказал «у тебя талант», будто дарил что-то.

А вечером Михаил придёт к ней, и она будет чуть рассеянной. Чуть далёкой и Михаил не поймёт почему. Артём шёл по коридору и чувствовал лёгкое, почти невесомое удовлетворение. Просто игра. Просто доказательство самому себе, что всё вокруг - декорации. И он единственный, кто знает, где выход.

Репетиция прошла легко. Сцена принимала его. Стоило Артёму выйти под свет, как всё остальное переставало иметь значение. Здесь он не был человеком, которому нечего сказать. Не был мужчиной, который не знает, что чувствует. Не был тем, кто смотрит на чужую любовь с некоторым недоумением.

Он был Хлестаковым. Лёгким. Наглым. Пустым. Живым. И чем больше в персонаже было пустоты, тем убедительнее

Артём его играл.

После репетиции он спустился в буфет. Заказал чай и сел у окна. Москва за стеклом была почти праздничной. Весна всегда немного меняла людей. Они становились мягче, чаще улыбались, дольше задерживались на улицах. Артём наблюдал за ними, не испытывая желания присоединиться.

Телефон завибрировал. "Алина" Сообщение было коротким. «Я соскучилась. Можно прийти сегодня вечером?» Он прочитал дважды. Не ответил.

Алина.

Она была танцовщицей в их театре. Не солисткой, а из кордебалета. Третий ряд, четвёртая позиция, одинаковое движение в такт остальным. Артём, возможно, никогда бы не обратил на неё внимания, если бы она сама не обратила на него.

Это произошло полтора года назад. Он вышел после спектакля через служебный вход, и она стояла там — в лёгкой куртке поверх репетиционного костюма, с мокрыми после душа волосами. Посмотрела на него. И что-то в её лице изменилось. Не улыбка. Не кокетство. Что-то более простое и более опасное - узнавание. Будто она увидела то, что ждала всю жизнь.

С того вечера она начала появляться рядом. В буфете. В коридоре. У его гримёрки. Не навязчиво, тихо, как тень, которая не отбрасывается, а просто существует где-то на периферии.

А потом перестала быть тенью. Артём не помнил, в какой именно момент она стала частью его жизни. Не помнил, когда впервые сказал ей «приходи». Не помнил, когда она начала оставлять в его квартире заколку для волос или шарф.

Это произошло не потому, что он этого хотел. Просто она была рядом. Просто смотрела на него так, будто он был чем-то большим, чем был на самом деле. И ему было удобнее не разрушать эту иллюзию.

Алина была удобной. Красивой в том мягком, округлом смысле, который не требовал внимания, тихой, покладистой. Она не задавала вопросов, на которые не хотела слышать ответ. Не требовала. Не устраивала сцен. Она была как декорация- Красивая,уместная и совершенно необязательная.

Артём не понимал, зачем она ему. Не понимал, почему не сказал ей уйти. Не понимал, почему позволял ей приходить, оставлять вещи, целовать его в щёку перед уходом.

Наверное, потому что она не просила ничего, или потому что её взгляд, тот самый, первый, у служебного входа, был единственным, в котором он видел себя без необходимости что-то играть.

Хотя, возможно, он просто не хотел быть один в пустой квартире. Хотя нет. Он не хотел быть один. Он просто не хотел, чтобы кто-то видел его в пустой квартире.

Он убрал телефон. Через несколько секунд тот снова завибрировал. Он даже не посмотрел. Вечером она всё равно пришла. Два быстрых стука, один длинный.

Он уже знал этот ритм.

— Войди.

Дверь открылась. Алина вошла с цветами. Она улыбалась. На ней было светлое весеннее платье, и от неё пахло дорогими духами - теми, которые он ей подарил на какой-то праздник. Он не помнил какой. Она помнила. Она всегда помнила такие вещи.

— Ты не ответил.

— Был занят.

— Я знаю.

Она поставила цветы на стол. Осторожно. Так, чтобы они стояли ровно. Так, чтобы всё было на своих местах.

— Я волновалась.

Артём продолжал листать сценарий.

— Не стоило.

Она посмотрела на него.

В её взгляде была надежда, та самая, которую он видел сотни раз. У других женщин. У зрителей. У людей, которые приходили к нему за теплом и уходили ни с чем, но возвращались снова, потому что надежда была дешевле, чем признание.

Люди приходили к нему за теплом. Иногда ему казалось, что они сами заранее решали, каким он должен быть. Он просто позволял им ошибаться.

— Ты сегодня играл?

— Да.

— Хорошо?

— Нормально.

— Можно мне прийти на спектакль?

Он поднял взгляд.

— Если хочешь.

Алина улыбнулась. Она была счастлива, от одного разрешения. Артём смотрел на неё и не понимал, почему людям так мало нужно для счастья. Она подошла ближе, и попыталась поцеловать его. Он едва заметно отстранился. Улыбка на её лице исчезла.

Конечно, заметил.

— Ты устал, — сказала она.

— Да.

— Тогда я пойду.

— Хорошо.

Она задержалась у двери. Будто ждала, что он остановит её, но нет.

Дверь закрылась. И только тогда Артём позволил себе выдохнуть. Он посмотрел на цветы- Красивые, свежие. Совершенно неуместные в его серой гримёрке, как и сама Алина. Как и всё, что она приносила с собой - запах, тепло, ожидание.

Он поднял букет и несколько секунд держал его в руках, потом выбросил. Цветы легли в мусорное ведро, лепестками вверх. Артём снова открыл сценарий. Через минуту он уже не помнил, какого цвета были цветы.

Когда Артём вышел из театра, Москва уже погрузилась в темноту. После дождя улицы блестели, отражая свет витрин и фонарей. Он пошёл домой пешком.

Москва ночью была совсем другой. Днём город казался живым и лёгким. Ночью в нём проступало что-то старое: тёмные окна, мокрые стены, редкие прохожие. Слабый шум машин где-то далеко. Артём шёл, засунув руки в карманы. Он думал о премьере. О Михаиле. О Лене, о том, как она покраснела сегодня. Как смотрела. Как нитка путалась в её пальцах. О роли, о том, как будет выглядеть зал через месяц, когда погаснет свет и сотни лиц одновременно поднимутся к сцене.

Он представлял момент, когда выйдет под аплодисменты. Он любил этот момент. Не сами аплодисменты, а то, что происходило за секунду до них, когда в зале ещё царила тишина. Когда все смотрели на него, где он был единственным человеком в пространстве, которому принадлежали чужие взгляды. Наверное, именно поэтому он и стал актёром. Ему нравилось, когда люди смотрели. Нравилось, когда он мог заставить их чувствовать. Нравилось знать, что одним движением головы, одной интонацией, одной улыбкой способен изменить настроение сотен незнакомых людей.

Это было почти наркотическим. Только Артём никогда не называл это зависимостью.

Он свернул в переулок. В одном из окон горел тёплый свет. За стеклом женщина накрывала на стол, напротив неё

сидел мужчина. Они что-то говорили друг другу, а потом женщина засмеялась. Мужчина протянул руку и коснулся её лица.

Артём на секунду задержал взгляд. Потом пошёл дальше. Он не испытывал зависти, по крайней мере, ему так казалось. У него была хорошая жизнь. Успешная карьера. Красивая квартира. Деньги. Женщины. Возможность выбирать. Ему ничего не мешало. Ничего не нужно. *Он не испытывал зависти. Он вообще редко что-то испытывал, глядя на чужие окна.* Его жизнь текла ровно.

Слишком ровно и он не знал, что иногда именно такая вода оказывается самой глубокой.

Он дошёл до дома, поднялся по лестнице и открыл дверь. В квартире было тихо. Артём включил свет. Снял пальто. Положил ключи на стол. Всё было на своих местах, как всегда.

Второй стул на кухне пуст. Диван без складок. Книга на столике корешком вверх. Зеркало в прихожей поймало его отражение на секунду. Он не остановился, прошёл к окну.

Ночь. Артём не спал. Это было непривычно. Обычно сон приходил к нему легко, почти бесцеремонно- просто выключался. Стоило голове коснуться подушки, как мысли теряли очертания, распадались, переставали требовать внимания, как свет в гримёрке после спектакля: щёлк -темнота.

Сегодня щелчка не было. Он лежал на спине, закинув одну руку за голову, и смотрел в потолок, которого почти не

видел. За окном жила ночная Москва. Где-то далеко прошёл поезд. На соседней улице шуршали шины по мокрому асфальту. Время от времени под окнами проезжала машина, и на несколько секунд по потолку проплывал бледный свет фар. Артём не двигался. Он мог бы взять телефон, открыть сообщения, ответить Алине, хотя бы из вежливости, посмотреть, который час, но не стал.

В темноте квартира казалась незнакомой. Без привычных линий, без вещей, которые днём возвращали каждому предмету его назначение. Стол переставал быть столом. Кресло - креслом. Даже окно превращалось просто в прямоугольник более светлой черноты. Артём подумал, что с людьми, наверное, происходит то же самое. Стоит убрать привычный взгляд, и не очень понятно, кто перед тобой.

Мысль показалась ему неприятной. Он отвернулся к окну. И вдруг вспомнил мать. Ему было девять. Кухня на Тимирязевской - маленькая, тесная, с желтоватым светом под потолком и линолеумом, который возле батареи давно пошёл волнами, но это, как-будто никто не замечал. На плите что-то шипело. Пахло жареным луком.

Артём сидел за столом и рисовал корабль. Корабль получался плохо: мачта была кривой, парус напоминал не парус, а мятый пакет. Он несколько раз стирал его ластиком, пока бумага не стала серой и тонкой.

— Мам.

Она стояла у плиты, спиной к нему.

— Мам, посмотри.

— Подожди.

Он дождался. Сначала спокойно. Потом начал смотреть на часы. Пять минут. Семь. Десять. Мать попробовала соус, поморщилась, добавила соль. Перевернула что-то на сковороде. Открыла шкаф.

Артём посмотрел на свой рисунок. Потом на неё.

— Мам.

Она тяжело вздохнула и обернулась. Подошла и взяла лист двумя пальцами, посмотрела. Две секунды.

— Криво. Парус не так выглядит. Нарисуй нормально.

И снова отвернулась. Он посмотрел на рисунок. Потом на её спину. Ему хотелось сказать, что он старался, что сам придумал этот корабль. Что он вообще-то долго рисовал, но ничего не сказал. Взял новый лист. Нарисовал другой парус, на этот раз ровнее.

— Мам.

Она обернулась.

— Лучше.

И всё. Она снова занялась ужином.

Артём сложил рисунок вдвое, потом ещё раз, пока он не стал маленьким квадратом, который легко помещался в кулаке. Убрал в карман. Он ещё не умел объяснить себе, зачем это делает. Просто знал: этот, второй парус, стоит хранить. Первый он выбросил в мусорное ведро сам, ещё до того, как мать успела бы это сделать.

В двенадцать он заболел. Температура была тридцать восемь с чем-то, горло болело так, что даже глотать было неприятно. Мать собиралась на работу. Она стояла перед зеркалом в прихожей, застёгивала серьги и поправляла волосы. В отражении она казалась ему почти красивой - всегда собранная, всегда аккуратная. Даже дома она выглядела так, будто через пять минут должна была выйти к людям.

— Мам, мне плохо.

Она посмотрела на него через зеркало.

— Температуру мерил?

— Да.

— Сколько?

— Тридцать восемь и два.

Она вздохнула.

— Таблетку выпей.

— Я хочу, чтобы ты осталась.

Рука её на секунду замерла возле уха. Потом продолжила застёгивать серьгу.

— У меня совещание в десять. Выпей таблетку и ложись. И не ной.

Не зло. Даже не раздражённо. Просто как инструкцию.

Он выпил таблетку, лёг. Когда вечером мать вернулась, он сидел за столом и делал уроки - специально пересел из кровати за час до её прихода, разложил тетради так, чтобы это было видно от двери.

— Ну что?

— Лучше.

Она положила сумку.

— Вот и хорошо. — Потом посмотрела на него. — Молодец.

Артём поднял глаза. Ему хотелось спросить: за что? Но вместо этого он просто кивнул и снова уткнулся в тетрадь, чувствуя, как расходится по груди что-то тёплое и одновременно пустое, будто похвалили не его, а декорацию, которую он для неё построил.

В пятнадцать лет он впервые понял, что незаметность может причинять боль сильнее, чем жестокость. Его не травили, не смеялись над ним, не били. Просто не замечали. Он существовал в классе как стул у стены: не мешал, не раздражал, не требовал внимания.

Он стоял у окна на перемене и смотрел, как несколько ребят спорят о чём-то в коридоре. Они смеялись, перебивали друг друга, толкались плечами. Им было хорошо. Просто потому, что они были друг у друга.

— Тебе чего? — спросил один из них, заметив его взгляд.

— Ничего, — сказал Артём и отвернулся к окну.

Он ещё несколько секунд смотрел на своё отражение в стекле, наложенное на серое небо, будто примеряя его вместо лица. Через несколько недель мать отвела его в театральную студию при доме культуры. Сказала, что ему будет полезно чем-нибудь заниматься. Он не спорил. Ему было всё равно.

Виктор Павлович оказался совсем не таким, каким Артём представлял себе руководителя театральной студии. Не добрым. Не вдохновляющим. Не тем взрослым, который гладит по голове и говорит подросткам, что каждый из них особенный. Он вообще почти не хвалил. Он смотрел и это было страннее всего.

На первом занятии Виктор Павлович поставил всех в круг.

— По одному в центр.

Ребята начали нервничать. Кто-то засмеялся. Кто-то заранее спросил:

— А что делать?

— Ничего.

— А что говорить?

— Своё имя.

Один за другим они выходили в центр, называли себя и тут же возвращались на место. Когда очередь дошла до Артёма, он встал. Подошёл.

— Артём.

И замолчал. Не улыбался. Не пытался выглядеть увереннее, чем чувствовал себя. Просто стоял.

Виктор Павлович смотрел на него долго.

— Сядь.

Артём сел.

После занятия руководитель остановил его у двери.

— Ты не играешь.

— В смысле?

— Не пытаешься понравиться.

Артём пожал плечами.

— А надо?

Виктор Павлович усмехнулся.

— Нет. — Он помолчал. — Это редкость.

Артём запомнил не слова, а то, как Виктор Павлович на секунду перестал быть учителем и посмотрел на него как на равного. Ему захотелось, чтобы так смотрели ещё. Чтобы так смотрели всегда.

Через несколько месяцев состоялся первый спектакль. Небольшой зал, двадцать с лишним зрителей - родители, знакомые, несколько случайных людей. Артём вышел на сцену почти без волнения. Он помнил свет, помнил запах пыли за кулисами. Помнил, как ладонь чуть вспотела от напряжения. А потом посмотрел в зал и увидел лица. Все смотрели на него. Не на соседа. Не в телефон. Не друг на друга.

Он сделал паузу перед первой репликой, чуть длиннее, чем требовалось. Зал замер. Заговорил тише, несколько человек подались вперёд. Тогда повысил голос, и они снова отреагировали. Он держал в горсти двадцать чужих эмоций и мог сжимать эту горсть, как хотел. Когда после монолога зал захлопал, Артём на мгновение прикрыл глаза. Взгляд. Чужой взгляд, который можно было вызвать одним движением. Он поклонился. И улыбнулся. На этот раз совершенно искренне.

После спектакля к нему подошла девочка. Катя. Тёмная коса, веснушки, курточка.

— Ты здорово сыграл.

— Спасибо.

Она улыбнулась и посмотрела на него так, что он сразу всё понял. Это был тот самый взгляд - восхищение, смешанное с осторожной надеждой. Он мог бы просто поблагодарить её и уйти. Вместо этого слегка наклонил голову.

— Ты все время смотрела?

— Конечно.

— Откуда?

— Из третьего ряда.

Он улыбнулся.

— Я видел.

Он не видел. Из-за света он почти не различал лица. Но девочка вспыхнула.

— Правда?

— Правда.

Он произнёс это спокойно, без улыбки и в этой маленькой паузе между ними появилось что-то новое. Катя поверила. Ей захотелось верить.

— Понял? — услышал он за спиной.

Виктор Павлович.

— Что?

— Что происходит.

Артём посмотрел на него.

— С ней?

— С тобой.

Он замолчал.

— Ты только что получил удовольствие не от того, что понравился ей.

— А от чего?

— От того, что смог заставить изменить её отношение к себе.

Артём ничего не ответил. Виктор Павлович пожал плечами.

— Это полезное качество для актёра. — А потом добавил:
— Только не путай сцену с жизнью.

Эту фразу Артём запомнил. Но понял её неправильно.

В шестнадцать он впервые поцеловал девушку. Девушку звали Оля. Она училась в другой школе и несколько раз приходила на спектакли студии.

— Ты опять пришла.

Она улыбнулась.

— Ага.

— Тебе нравится?

— Очень.

— Что именно?

Она замялась.

— Ты.

Он почувствовал знакомое тепло. Но теперь оно было сильнее.

— Опасный ответ, — сказал он.

Она рассмеялась. Через неделю они гуляли вместе. Через две он уже не писал каждый вечер специально. Не звонил без причины. Иногда исчезал на день, а потом появлялся так, будто ничего не произошло.

— Привет.

— Где ты был?

— Занят.

— Чем?

— Жизнью.

Она обижалась. Он видел это не как жестокость, а как результат. Доказательство. Она думала. Она хотела его внимания. Значит, он был для неё важен. Чем сильнее она к нему привязывалась, тем спокойнее становился он, будто внутри него затягивалась какая-то старая, незаметная трещина.

Опыт набирался быстро. Артём замечал момент, когда женщина начинает в него влюбляться: меняется взгляд, появляется ожидание, она начинает чаще поправлять волосы, проверять телефон, смеяться чуть громче обычного. Сначала он просто замечал это. Потом научился вызывать.

Комплимент- но не слишком прямой. Внимание, но не постоянно. Прикосновение - словно случайное. Он никогда не говорил «ты красивая». Слишком просто. Гораздо интереснее было сказать: «У тебя сегодня загадочный взгляд» и оставить её думать, что именно он увидел.

— Твой взгляд, — сказал он однажды одной из них, глядя

не в глаза, а чуть в сторону, будто разглядывая что-то невидимое.

— Какой?

— Не могу сформулировать.

Он и правда не мог. Там ничего не было. Но она весь вечер потом ловила своё отражение в окнах, пытаясь понять, что он увидел. Он мог провести пальцами по её волосам и тут же убрать руку. Мог задержать взгляд на секунду дольше. Мог написать в два часа ночи: «Не спишь?» А если она отвечала сразу - не продолжать разговор. И постепенно понял простую вещь: ожидание привязывает сильнее, чем подарок. Ему нравилось смотреть, как женщина достраивает его сама. Приписывает ему глубину. Доброту. Ранимость. То, чего он иногда действительно не чувствовал. Но он никогда не говорил ей, что она ошибается. Зачем? Пусть верит.

В театральном училище всё стало ещё проще. Там было много женщин - красивых, амбициозных, влюбляющихся быстро и ярко. Ему нравилось ухаживать. Выбрать. Заинтересовать. Запомнить любимый кофе и однажды принести его без вопроса. Узнать имя собаки. Спросить про мать. Запомнить дату экзамена. Позвонить перед ним.

— Ты помнишь про мою собаку? — спросила его как-то одна, и в голосе была не благодарность даже, а изумление, почти испуг.

— А как её не помнить, — сказал он. — Джесси же.

Это выглядело как забота. И в каком-то смысле заботой

было. Просто у неё был срок годности. Пока человек оставался ему интересен, он мог быть почти идеальным. Проблема начиналась позже. Когда женщина переставала быть загадкой. Когда он уже знал, что она скажет, что она любит, чего боится. Тогда внутри него что-то выключалось. Ему было скучно, и он не знал, куда деть эту скуку, кроме как отдать её ей - коротким ответом, взглядом мимо, паузой чуть дольше нужного.

— Почему ты снова пишешь? — спрашивал он потом сам себя, читая новое сообщение. — Почему хочешь увидеться? Почему тебе мало того, что я уже дал?

Иногда он ещё некоторое время продолжал отношения. Из привычки. Из удобства. Из-за секса. Из-за того, что приятно иметь красивую женщину рядом. Но чаще всего потому, что ему нравилось знать: если он захочет, она всё равно придёт. Это знание было важнее самой встречи.

Однажды девушка спросила его:

— Ты вообще умеешь кого-нибудь любить?

Они сидели в машине. Дождь бил по лобовому стеклу. Её звали Вера. Они встречались почти четыре месяца. За это время она успела узнать о нём больше, чем большинство. Знала, что он пьёт кофе без сахара. Что не любит звонки утром. Что перед спектаклем не разговаривает. Что перечитывает текст в последний момент. Знала, какую музыку он слушал в машине. Знала, что он иногда просыпается ночью.

Артём смотрел через лобовое стекло.

— Почему спрашиваешь?

— Потому что я тебя люблю.

Он ничего не сказал. Она ждала.

— И?

— И я хочу знать, любишь ли ты меня.

Он повернулся к ней. Она смотрела прямо. Без привычной улыбки. Без игры. И вдруг Артёму стало не по себе. Потому что в её вопросе не было восхищения. Там была необходимость в настоящем ответе. А настоящего ответа у него не было. Он мог сказать «да». Это было бы легко, но почему-то не смог.

— Я не знаю, — сказал он.

Она отвела взгляд.

— Ты хотя бы понимаешь, что это больно слышать?

Артём нахмурился.

— Ты сама спросила.

— Да. — Она улыбнулась. Очень грустно. — Вот именно.

Она вышла из машины через несколько минут. Он не остановил её, но когда она закрыла дверь, ему вдруг стало неприятно. Не от того, что она ушла, а от того, что впервые женщина посмотрела на него не снизу вверх, а с разочарованием. Он отогнал это ощущение. Включил музыку. Поехал.

Через неделю Вера написала ему. Он не ответил. Через месяц перестал помнить, какая у неё была любимая песня. Годы шли. Женщины менялись. Механизм оставался прежним.

— Я никому ничего не обещаю, — говорил он, если разговор заходил слишком далеко. Это была его любимая фраза. И в ней даже была доля правды: он действительно редко обещал. Не говорил о будущем. Но при этом умел вести себя так, что женщина начинала надеяться. А когда она надеялась ответственность за её чувства он считал уже не своей.

Так было проще. И удобнее. Он не разрушал. По крайней мере, в его собственной версии истории. Люди просто слишком много хотели.

Артём открыл глаза. Потолок. Тёмная комната. Ночь. Он несколько секунд не понимал, где находится. Потом память вернулась. Квартира. Москва. Сегодняшний вечер. Алина. Её цветы. Её взгляд. Он медленно сел на кровати. Почему-то ему снова вспомнилась Вера. «Ты вообще умеешь кого-нибудь любить?»

Артём провёл ладонью по лицу.

— Господи...

Он сам не понял, кому это сказал. В комнате было тихо. Он встал, прошёл на кухню, открыл кран и выпил воды прямо из-под струи. В окне уже начинало светать. Москва постепенно становилась серой. Он посмотрел на свои руки. Обычные руки. Длинные пальцы, чистые ногти. Никаких следов того, что они когда-либо кому-то причиняли боль. Он усмехнулся. Руки не виноваты. Люди вообще редко выглядят виноватыми снаружи.

Артём закрыл воду. Пройшёл в прихожую. В зеркале отра-

жался человек, которого он знал всю жизнь. Высокий. Спокойный. Уверенный. Немного уставший. Красивый.

Он задержал взгляд на собственном отражении. И вдруг подумал: а если мама была права? Мысль появилась неожиданно. Он почти сразу её отбросил. Нет. Он не был плохим сыном. Не был плохим человеком. Разве можно винить человека за то, что другие хотят? Артём улыбнулся своему отражению. Убедительно. Почти искренне. И всё же где-то внутри, совсем глубоко, мелькнуло неприятное ощущение. Будто он только что очень ловко солгал. Не женщине. Не режиссёру. Даже не самому себе. А той части себя, которая всё ещё помнила девятилетнего мальчика на кухне, с квадратиком сложенной бумаги в кармане.

Артём выключил свет. Пошёл одеваться.

Глава 2

Утро в театре начиналось задолго до зрителей.

Когда Артём вошёл через служебный вход, в здании ещё пахло ночной пылью, холодным кофе и краской. В коридорах горел неяркий свет. Где-то за стеной двигали декорации, кто-то ругался из-за пропавшего реквизита, из костюмерной доносился приглушённый смех. Он любил эти часы. До спектакля театр принадлежал тем, кто в нём работал. Голые стены, провода, деревянный пол и люди, которые знали, сколько труда скрывается за тем, что вечером будет выглядеть легко.

Артём снял пальто и уже собирался пройти дальше, когда услышал смех.

Лена. Он узнал её голос раньше, чем увидел. Она стояла у двери костюмерной, прижав к груди несколько папок, рядом костюмер что-то рассказывал, размахивая руками. Лена смеялась по-настоящему: запрокидывала голову, закрывала ладонью рот, пыталась одновременно слушать и не уронить бумаги. Он остановился. Обычно она смеялась иначе. Когда рядом был Михаил - тише, осторожнее, будто проверяла, можно ли ей быть настолько громкой. Сейчас Михаила не было. И Лена была другой.

Он подошёл.

— Доброе утро.

Улыбка на её лице не исчезла, но стала аккуратнее. Слов-

но она быстро убирала то, что не предназначалось для чужих глаз.

— Артём. Привет.

— Тяжёлые? — он кивнул на папки.

— Нормально.

— Давай помогу.

— Не нужно, я сама.

Он всё равно взял одну. Лена не стала спорить, но чуть отступила, увеличивая расстояние между ними.

— Куда нести?

— В зал. На третий ряд.

Они пошли по коридору. Она несла свои папки обеими руками, прижимая к груди, как щит.

— Ты рано, — сказала она. — Обычно приходишь позже.

— Сегодня решил иначе.

Она кивнула, посмотрела вперёд. В коридоре было пусто, но она всё равно шла так, будто за ними кто-то наблюдал. В зале она разложила папки по местам и уже отворачивалась, когда он произнёс:

— Лена.

Она остановилась. Не обернулась сразу — сначала поправила папку, потом повернула голову.

— Что?

— У тебя сегодня волосы распущены.

Она машинально коснулась пряди.

— И что?

— Тебе идёт.

Она моргнула. Не покраснела, не заулыбалась. Просто моргнула и отвела взгляд.

— Мне пора. Костюмы нужно проверить.

Она ушла быстро, не оглядываясь. Артём стоял в пустом зале и смотрел ей вслед с интересом, которого не ожидал сам от себя. Не потому что она была красива. Потому что она не сыграла по его правилам. На репетиции они пересеклись ещё дважды. Первый раз - когда она подавала ему деталь костюма: он задержал пальцы на ткани чуть дольше, чем нужно, и она отдёрнула руку. Второй раз - за кулисами, когда она проходила мимо, не глядя на него, а он наклонился ей навстречу.

— Ты всё время поправляешь волосы, — сказал он.

Рука, уже тянувшаяся к пряди, опустилась.

— Не поправляю.

— Только что хотела.

Она обернулась. Лицо было не смущённым — раздражённым.

— Артём, у меня работа.

— Я знаю. Просто сказал.

— Не нужно говорить.

Она снова ушла быстро. Он смотрел вслед и чувствовал лёгкий азарт, почти незаметный. Как будто перед ним была задача, которую он пока не решил. Перед вторым актом он опять оказался рядом, пока она раскладывала реквизит на

столе.

— Ты напряжена, — сказал он, встав рядом, не касаясь.

— Нет.

— Да. Ты три раза переставила одну и ту же чашку.

Она посмотрела на чашку, потом на него.

— Может, мне нравится, когда всё на месте.

— Может.

Он молчал, смотрел на её руки, на прядь, выбившуюся из-за уха.

— Ты закончил? — спросила она.

— С чем?

— С тем, что ты делаешь. Стоишь. Смотришь. Молчишь.

Это нервирует.

— Хорошо.

Она нахмурилась.

— Что хорошо?

— Что нервирует. Значит, ты замечаешь.

Она отвела взгляд, переставила чашку в четвёртый раз и ушла, сказав, что ей пора. Не оглянувшись. Второй акт прошёл гладко. Артём работал точно, без усилий - роль лежала на нём как влитая. В перерыве он вышел в коридор. Лена стояла у окна одна. Он прошёл мимо достаточно близко, чтобы она почувствовала движение воздуха, достаточно далеко, чтобы это можно было назвать случайностью.

— Артём.

Он остановился, повернулся.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она. Не смущённо, не кокетливо. Устало. — Подходишь. Говоришь странные вещи. Стоишь рядом.

— Разговариваю.

— Нет. Не разговариваешь. Ты... — она не договорила, поджала губы, посмотрела в окно. — Забудь. Неважно.

— Ты мне интересна, — сказал он.

Она не покраснела, не задержала дыхание. Посмотрела на него так, будто он сказал что-то неуместное. Потому что так оно и было.

— Артём, я с Михаилом.

— Я знаю.

— И?

— И ничего. Я просто сказал.

Она покачала головой, скорее растерянно, чем зло.

— Это не просто. Ты не можешь просто сказать такое и уйти.

В коридоре слышались шаги. Лена мгновенно стала другой: выпрямилась, отошла от окна, сделала шаг назад, увеличивая расстояние между собой и Артёмом. Инстинктивно, не демонстративно.

Михаил шёл по коридору с планшетом, на ходу что-то читая. Подошёл, посмотрел на Лену, на Артёма, на пустое пространство между ними.

— Привет.

— Привет, — сказала Лена. Слишком быстро.

— Ты чего тут?

— Проветриваюсь. В костюмерной душно.

Михаил перевёл взгляд на Артёма.

— А ты?

— Стою.

— Вижу.

Несколько секунд тишины. Михаил смотрел без враждебности, без подозрения — просто смотрел. И это было хуже всего: подозрение можно было бы обыграть, а спокойный прямой взгляд — нет.

— Ладно, — сказал Михаил. — Пойдём, Володя зовёт.

Он взял Лену за руку, как человек, который не сомневается, что его руку примут. Она пошла и не оглянулась. Артём сунул руки в карманы и пошёл в другую сторону, с тем неприятным чувством, которое у него почти никогда не возникало: он не довёл дело до конца. Не потому что передумал. Потому что она не дала ему это сделать.

В гримёрку он пришёл за двадцать минут до спектакля. В дверь постучали - коротко, два раза.

— Войдите.

Алина вошла тихо, с маленьким бумажным пакетом в руках. Поставила его на стол у зеркала.

— Привет.

— Привет.

— Принесла тебе кое-что. Откроешь после спектакля.

— Хорошо.

Она стояла у двери, не садясь, не подходя ближе — как человек, который не уверен, что ему рады.

— Ты занят, — сказала она. Не вопрос.

— Готовлюсь.

Их глаза встретились в зеркале. Алина отвела свои пер-
вой.

— Удачи сегодня.

— Спасибо.

Дверь закрылась мягко, без хлопка. Артём посмотрел на пакет, не тронул его, отвернулся к зеркалу. Спектакль прошёл легко. Он не думал ни о Лене, ни об Алине, ни о Михаиле. Он был Хлестаковым - лёгким, пустым, живым, и зал был в его руках с первой реплики. Это было единственное место, где ему не нужно было притворяться. Где пустота была не недостатком, а инструментом.

После поклона он вернулся в гримёрку. Пакет всё ещё стоял на столе. Внутри была светло-серая рубашка — та самая, которую он однажды, мельком, между делом, назвал хорошей в витрине. Три недели назад. Одно слово. Она запомнила. Купила. Принесла. Артём подержал ткань в руках, положил обратно в пакет и отодвинул его в угол стола. Не надел. Не написал ей.

Снял грим. Надел пальто. Вышел через служебный вход. Ночь была тёплой, почти мягкой. Воздух стоял неподвижно, пах мокрым асфальтом и чем-то цветочным, доносившимся откуда-то из дворов. Артём пошёл не в сторону дома. Про-

сто на одном из перекрёстков не остановился там, где обычно сворачивал, и только через несколько минут заметил, что идёт совсем в другую сторону.

Он всё ещё был раздражён. Не спектаклем - Леной. Тем, что весь день выстраивал безупречную партию, а она вышла из неё раньше финала, не дав ему доиграть. Он не привык, чтобы разговор заканчивался не его репликой. На углу он увидел тёмно-синюю вывеску с потёртой позолотой. За ней скрывался небольшой бар: деревянная стойка, несколько столиков у стен, приглушённый свет и музыка, которую скорее угадываешь, чем слышишь. За стеклом всё выглядело достаточно спокойно, чтобы не хотелось ни с кем разговаривать.

Артём вошёл, сел у стойки и заказал виски без льда. Бармен поставил перед ним стакан. Артём сделал глоток. Виски обжёг горло, приятно. Он не разбирался в алкоголе и не собирался сегодня разбираться. Ему нужен был не вкус. Хотелось, чтобы внутри хоть что-нибудь горело, что-нибудь настоящее, не требующее от него привычной работы над выражением лица, интонацией, жестами.

Лена. Он не думал о ней как о женщине. По крайней мере, старался не думать. Перед глазами почему-то снова возникала не её улыбка и не лицо, а рука, переставляющая чашку на столе. Раз, второй, третий. Он помнил даже, как она чуть сдвинула блюдце, освобождая место. Ему казалось почти нелепым, что именно это осталось в памяти. Он выстро-

ил разговор с ней точно. Не торопил, не давил, не говорил ничего такого, что могло бы её насторожить. Знал, в какой момент сказать, что она ему интересна, чтобы это прозвучало не как обычный комплимент, а как признание, которого она уже ждала.

Всё было рассчитано и она должна была ответить, не обязательно взаимностью. Ему никогда не требовалось так много. Достаточно было бы того короткого смущения, которое появляется, когда женщина понимает, что мужчина выбрал именно её; достаточно опущенных глаз, перемены в голосе, попытки скрыть улыбку. Но Лена ушла. Он не ошибся. Он просто впервые за долгое время столкнулся с человеком, который не захотел продолжать сцену.

Артём сделал ещё один глоток и посмотрел на своё отражение в зеркале за барной стойкой. Лицо было совершенно спокойным. Даже слишком. Он слегка поправил воротник рубашки, хотя тот лежал идеально. Хорошее лицо. Правильное. Лицо человека, у которого всё в порядке.

— Простите... вы Артём Ерёменко?

Он повернул голову.

Девушка стояла рядом с бокалом в руке. Судя по всему, она несколько минут собиралась подойти и только теперь решилась. Рыжеватые волосы, короткое чёрное платье, тонкая цепочка на шее. Взгляд, в котором узнавание боролось с желанием не выглядеть слишком восторженной. Артём посмотрел на неё внимательно. Не задержался на лице, как сде-

лал бы мужчина, оценивающий женщину с первого взгляда, а отметил несколько мелочей почти машинально: аккуратно покрашенные ногти, чуть слишком крепко сжатый бокал, прядь волос, которую она уже дважды убирала за ухо. Платье было выбрано не случайно — для бара оно оказалось немножко наряднее, чем требовалось.

Она хотела хорошо выглядеть. И хотела, чтобы он это заметил.

— Да.

— Я так и знала! Я была на «Ревизоре» в марте. С подругами специально ради вас билеты брали.

Она рассмеялась чуть громче, чем нужно было для этой фразы, и села на соседний стул, не спрашивая разрешения.

— Извините, я, наверное, навязываюсь.

Артём улыбнулся. Не широко — только слегка приподнял уголки губ, ровно настолько, чтобы она почувствовала: её появление его не раздражает.

— Нет. Садитесь.

Она улыбнулась в ответ, заметно расслабившись.

— Я Ксюша.

— Очень приятно.

Она заказала джин-тоник и почти сразу начала рассказывать о спектакле. Как они с подругами потом всю дорогу обсуждали третий акт, как одна из них уверяла, что Артём слишком самоуверенный, а другая спорила, что именно поэтому на него невозможно не смотреть. Ксюша говорила

быстро, перескакивала с одного на другое и время от времени сама себя одёргивала:

— Господи, я опять про себя рассказываю. Просто я тогда хотела подойти к служебному входу, но побоялась. Там столько людей было...

Артём кивал в нужных местах. Он слушал не столько содержание, сколько её саму. Замечал, как она всё чаще смотрит на него, когда говорит, как поправляет волосы после каждой второй фразы, как старается говорить чуть спокойнее, чем получается. Её интерес к нему уже был очевиден, но она ещё не знала, насколько очевиден. Это всегда был самый приятный момент. Пока человек ещё старается скрывать то, что уже стало заметно.

— И что именно вам понравилось в третьем акте? — спросил он.

Ксюша на секунду задумалась, а потом оживилась и начала объяснять. Артём слегка наклонил голову, внимательно слушая. Он умел придавать своему вниманию почти физическое ощущение: когда смотрел на человека, тот постепенно забывал, что вокруг вообще кто-то есть.

Ксюша заметила это первой.

— Вы, наверное, ко всем так внимательны.

Артём выдержал небольшую паузу. Посмотрел на неё, потом на свой стакан.

— Не ко всем.

Она опустила глаза. Всего на секунду. Потом подняла их

снова, и выражение лица изменилось. Совсем немного, но он это заметил. Ему даже не нужно было ничего добавлять. Пусть сама решает, что именно он хотел сказать. Он сделал глоток виски. Ксюша улыбнулась.

— А я думала, актёры со всеми одинаково разговаривают.

— Актёры умеют разговаривать со всеми одинаково, — ответил он. — Но это не значит, что им всем одинаково интересно.

Она замолчала.

— А мне?

Он посмотрел на неё.

— Вы хотите знать?

Ксюша рассмеялась, но взгляд не отвела.

— Конечно.

Артём чуть улыбнулся.

— Тогда лучше не спрашивать.

— Почему?

— Некоторые вещи интереснее, пока на них нет ответа.

Он сказал это спокойно, без намеренной загадочности. Именно поэтому фраза прозвучала убедительнее. Он не старался казаться таинственным. Просто не давал ей ровно того, что она просила. И она тут же захотела больше. Он видел, как она провела пальцем по краю бокала, как задумалась, как снова посмотрела на него.

— У вас интересный взгляд, — сказал Артём.

— Какой?

Он чуть нахмурился, будто действительно пытался подобрать определение.

— Не знаю.

— Вы уже второй раз так говорите.

— Потому что пока не придумал.

Она рассмеялась.

— Что именно вы во мне увидели?

Вот теперь он посмотрел на неё дольше.

На этот вопрос можно было ответить чем угодно. Сказать, что у неё красивые глаза. Что она необычная. Что ему нравится её улыбка. Всё это было бы слишком просто. Комплимент можно принять, положить куда-нибудь внутрь себя и потом вспомнить как приятный эпизод.

Но если оставить человеку вопрос, он будет возвращаться к нему сам.

— Не знаю, — повторил Артём. — Просто взгляд у вас такой, будто вы всё время что-то хотите сказать, но передумываете.

Ксюша удивлённо улыбнулась.

— Неправда.

— Вот сейчас, например.

— Что сейчас?

— Вы опять хотели что-то сказать.

Она замолчала. Он едва заметно улыбнулся.

— Видите?

Ксюша рассмеялась и отвела взгляд. За её плечом в тём-

ном зеркале отражалась стойка. Она мельком посмотрела туда, словно пыталась увидеть себя со стороны. Артём это заметил. Он не сомневался, что она ещё не раз посмотрит на своё отражение сегодня. Ему было приятно не то, что она нравилась ему. Она, если честно, нравилась ему мало. Обычное лицо, обычная фигура, немного слишком громкий смех. Но она уже начала смотреть на себя его глазами, и это было куда интереснее. Он знал, как легко человек привязывается к чужому взгляду, если этот взгляд заставляет его почувствовать себя особенным.

Ксюша снова повернулась к нему.

— Вы всегда так разговариваете?

— Как?

— Будто знаете про человека больше, чем он сам.

— Нет.

— А сейчас?

— Сейчас мне интересно.

Он сказал это совершенно просто. Без улыбки. Она снова покраснела. Разговор продолжился. Ксюша рассказывала о работе, о подруге, которая собиралась уехать в Петербург, о том, что сама когда-то хотела поступать в театральный, но не решилась. Артём слушал внимательнее, чем прежде, потому что знал: именно сейчас человеку особенно легко подарить ощущение близости.

— Вы хотели играть?

— Да. В детстве. Потом прошло.

— Не прошло.

Она посмотрела на него.

— Почему вы так решили?

— Потому что вы всё ещё об этом говорите.

— Я сказала это один раз.

— Но вы оживились.

Ксюша улыбнулась.

— Вы всё замечаете?

— Не всё.

— А что замечаете?

Он немного подумал.

— То, что мне интересно.

Она посмотрела на него с таким выражением, будто услышала гораздо больше, чем он сказал. И Артём позволил ей так думать. Через некоторое время он придвинулся ближе. Не настолько, чтобы это можно было назвать явным намерением, просто изменил положение на стуле, положил локоть на стойку, и расстояние между ними стало немного меньше. Ксюша не отодвинулась. Её кисть оказалась рядом с его рукой. Между ними оставалось несколько сантиметров. Он ничего не делал.

Через минуту она сама сократила это расстояние. Её рука случайно коснулась его пальцев.

— Простите.

— За что?

— Я вас задела.

— Ничего.

Он не убрал руку. Она тоже. Несколько секунд они сидели так, продолжая разговор, будто ничего не произошло. Потом Ксюша первой отодвинулась. Артём не посмотрел на неё. Не улыбнулся. Не дал понять, заметил ли. Именно отсутствие реакции заставило её снова взглянуть на него.

— Вы странный, — сказала она.

— Мне часто это говорят.

— И вам нравится?

— Иногда.

— А обычно?

Он посмотрел на неё.

— Обычно мне всё равно.

Она улыбнулась.

— А сейчас?

Он выдержал паузу.

— Сейчас нет.

Ксюша опустила глаза и Артём понял, что разговор можно больше не продолжать.

Ему уже было достаточно. Он допил виски и поставил стакан на стойку.

— Вы всегда одна приходите в такие места? — спросила Ксюша.

— Не всегда.

— А обычно?

— Обычно я в театре.

— А после театра?

Он немного помолчал. Не слишком долго, чтобы это выглядело намеренной загадкой, но достаточно, чтобы она почувствовала: вопрос действительно попал куда-то глубже обычного.

— После театра обычно тишина.

Он произнёс это без жалости к себе, почти буднично, но Ксюша сразу изменилась в лице. Артём видел, как в её воображении возникает квартира, в которую он возвращается после спектакля, приглушённый свет, пустые комнаты, одиночество человека, которого весь вечер окружали люди. Он не стал разрушать эту картину.

— Наверное, после сцены тяжело возвращаться в обычную жизнь, — сказала она.

— Привыкаешь.

— И вам не бывает одиноко?

Артём посмотрел на неё.

— Бывает.

Это была правда, но не та, которую она сейчас слышала, Ксюша стала серьёзнее.

— Тогда зачем вы всё время один?

— Не всё время.

— Но сейчас один.

Он улыбнулся.

— Уже нет.

Она рассмеялась, и напряжение снова стало лёгким. Те-

перь она смотрела на него открыто. Уже не пыталась скрывать интерес, не отводила взгляд, когда он смотрел в ответ. Артём почувствовал знакомое удовлетворение. Он снова видел ту точку, к которой всё шло: человек начинал считать, что именно он сделал первый шаг, что именно он решил остаться, что именно он захотел продолжения.

Это всегда было приятнее прямого успеха. Потому что тогда ему ничего не приходилось навязывать.

— Пойдём отсюда, — сказал он, когда Ксюша допила второй бокал.

Она подняла на него глаза.

— Куда?

— Ко мне. Это недалеко.

Он не стал улыбаться, не стал объяснять, не стал добавлять ничего, что могло бы превратить предложение в угрозы. Просто ждал. Ксюша несколько секунд смотрела на него, потом рассмеялась коротко и нервно, будто сама не верила, что решилась.

— Хорошо.

Артём оставил деньги на стойке. На улице было тепло. Воздух пах мокрым асфальтом и цветами, а город после полуночи казался почти пустым. Они шли рядом, не разговаривая. Ксюша сначала держала руки в карманах, потом достала одну, будто случайно коснулась его локтя и, не получив возражения, взяла его под руку. Артём посмотрел на её пальцы. Она заметила его взгляд и улыбнулась. Он ничего

не сказал. Только продолжил идти. Ему нравилось именно это — когда последнее движение человек делал сам. Тогда всё выглядело естественно. Не как результат его усилий, а как её собственное желание.

В квартире Ксюша едва успела снять пальто, как обняла его за шею и потянулась к губам. Поцелуй получился торопливым, почти неловким. Она будто боялась, что если остановится хотя бы на секунду, он передумает. Артём на мгновение отстранился и посмотрел на неё. Ксюша, кажется, приняла этот взгляд за нежность. На самом деле он просто оценивал ситуацию. Она ему не особенно нравилась. Не раздражала — это было бы уже слишком сильным чувством. Просто не нравилась настолько, чтобы хотелось узнать её ближе. Но секс не требовал близости. Иногда ему даже казалось, что именно в этом его удобство: здесь не нужно было ничего решать, ничего обещать, ничего чувствовать. Достаточно было знать последовательность движений. Ксюша снова потянулась к нему. Он позволил ей. Дверь спальни закрылась.

Начинало светать, когда раздался стук. Два быстрых удара. Один длинный.

Артём замер. Этот ритм он знал слишком хорошо. Пароль без слов, договорённость, которую они никогда не обсуждали вслух. Стук повторился. Из спальни донёсся сонный голос:

— Кто там?

Артём подошёл к двери и посмотрел в глазок.

Алина. Лёгкая куртка, пакет в руках, растрёпанные волосы, чуть опухшие от бессонницы глаза. Она переминалась с ноги на ногу и время от времени поглядывала на лестницу, словно надеялась, что он всё-таки откроет. Он открыл. Недостаточно быстро, чтобы успеть придумать, что сказать, если она спросит, почему из квартиры доносится чужой голос.

— Привет. Ты не отвечал. Я подумала...

Она замолчала. Посмотрела мимо него. На приоткрытую дверь спальни. На чёрное платье, брошенное у порога поверх его пальто. Улыбка ещё секунду держалась на её лице, словно она не успела получить от мозга распоряжение исчезнуть. Потом уголки губ медленно опустились.

— А, — сказала она. Не вопрос. Не упрёк. Артём почувствовал неловкость, но не вину.

— Алина...

Она отступила на шаг и крепче прижала пакет к груди.

— Нет. Ничего. Я просто...

Она не договорила. Посмотрела на него ещё раз. И в этом взгляде было что-то, чему Артём не смог сразу подобрать название. Она повернулась и пошла вниз по лестнице - быстро, так, будто хотела оказаться как можно дальше от этой двери. Пакет несколько раз ударился о перила. Хлопнула дверь подъезда.

Артём постоял ещё секунду, потом закрыл дверь. Из спальни вышла Ксюша, накинув его рубашку на голое тело. Волосы растрепались после сна.

— Кто это был?

— Никто.

Она посмотрела на него с лёгкой усмешкой.

— Не похоже на никого.

Подошла, обняла его сзади за пояс.

— У тебя что, девушка есть?

Артём помолчал.

— Была.

— И как она теперь себя чувствует, интересно?

В её голосе не было сочувствия. Скорее любопытство, смешанное с удовольствием оттого, что выяснилось: она только что оказалась причиной чужой драмы. Артём не ответил. Ему не было стыдно. Не было жалко. Было досадно, как человеку, у которого разбили чашку, которой он всё равно почти не пользовался. Не больно. Просто неудобно. Просто лишнее.

— Может, стоит ей написать? — спросила Ксюша.

— Не стоит.

Она пожала плечами и пошла одеваться. Утром она ушла, оставив номер телефона на клочке бумаги у зеркала в прихожей и попросив написать, «когда будет время». Артём выбросил записку, проветрил квартиру от чужих духов, вымыл стакан и поставил его в сушилку. Потом сварил кофе и сел у окна. Второй стул снова был пуст. За стеклом медленно просыпалась Москва - серая, влажная, живая.

Он не думал об Алине. Не о её лице, не о пакете, не о том,

как она сказала это короткое «а» и ушла, не оглянувшись. По крайней мере, так ему казалось. А в другом конце города Алина сидела на скамейке в парке. Рядом лежал пакет с едой, которую она приготовила сама в шесть утра, потому что не спалось и потому что хотелось сделать хоть что-нибудь, что заставит его улыбнуться.

Она не плакала. Не звонила. Не писала. Просто сидела и смотрела на пакет, не зная, что делать с тем, что теперь было внутри неё. Алина писала первые три дня. Сначала осторожно: «Привет, как ты?» без единого слова о той ночи, словно если не называть случившееся, можно сделать вид, что его не было. Потом чуть настойчивее: «Нам нужно поговорить». «Можно я зайду вечером?»

Артём отвечал коротко, если отвечал вообще. «Занят». «Не сейчас». Один раз просто прочитал сообщение и отложил телефон, прекрасно зная, что она увидит отметку о прочтении и что для неё это тоже будет своего рода ответом. На четвёртый день она перестала писать первой. Он это заметил. Не как потерю. Скорее как изменение привычного порядка вещей: телефон больше не вибрировал по утрам так, как вибрировал раньше. Артём не придавал этому значения. У него был спектакль через две недели, Хлестаков требовал внимания, Владимир Сергеевич гонял третий акт по два раза за репетицию, и он с некоторым облегчением обнаружил, что пустота, которую раньше занимала Алина, теперь снова заполнена работой.

Она пришла в театр на десятый день. Не постучала условным стуком. Просто появилась у служебного входа, когда он выходил после вечерней репетиции, и встала так, чтобы он не мог сделать вид, будто не заметил. Она пришла в театр на десятый день. Не постучала условным стуком, просто появилась у служебного входа, когда он выходил после вечерней репетиции, и встала так, чтобы он не мог сделать вид, что не заметил.

— Можно с тобой поговорить?

— Я спешу.

— Пять минут.

Он посмотрел на часы. Не потому что действительно спешил, просто это был способ дать ей понять цену её просьбы.

— Хорошо. Пять минут.

Они отошли к скамейке у входа. Алина куталась в куртку, хотя вечер был тёплым. Она похудела не сильно, но заметно, так, что скулы стали чуть острее, а куртка сидела свободнее, чем должна была.

— Я не понимаю, что происходит, — сказала она. — Ты не отвечаешь. Ты не звонишь. Я видела тебя на репетиции — ты даже не подошёл.

— У меня много работы.

— Артём. — Она посмотрела на него прямо, и в этом взгляде впервые за долгое время не было надежды, только усталость. — Я была у тебя дома. В ту ночь. Я всё видела.

— Я знаю.

— И ты даже не пытаешься объяснить?

— А что тут объяснять?

Она замолчала. Ждала, что он скажет что-то ещё -извинится, соврёт, разозлится, хоть что-нибудь, что можно было бы принять за участие. Он молчал, глядя чуть в сторону, туда, где на углу двое рабочих грузили декорации в фургон.

— Ты вообще понимаешь, что мне сейчас плохо? — спросила она тихо.

— Понимаю.

— И тебе всё равно.

Это не было вопросом. Он не стал спорить.

— Алина, я никогда не обещал тебе ничего постоянного. Мы никогда не договаривались, что это... — он неопределённо повёл рукой, — что-то серьёзное.

— Мы были вместе полтора года.

— Это ничего не значит само по себе.

Она посмотрела на него так, будто он ударил её, с каким-то новым, окончательным удивлением, как человек, который вдруг понимает, что всё это время неправильно читал книгу, и теперь, на последней странице, приходится пересматривать всё с начала.

— Значит, всё, — сказала она. Подытожила.

— Наверное, да.

Она кивнула, медленно, будто убеждая саму себя, что услышала правильно. Встала. Постояла ещё секунду, глядя не на него, а куда-то мимо, в сторону фургона с декорация-

ми.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда я пойду.

Он не остановил её. Она ушла в сторону метро, не оглянувшись, и он смотрел ей вслед ровно столько, сколько требовалось, чтобы убедиться, что разговор действительно закончен, а потом достал телефон и посмотрел расписание завтрашней репетиции.

Больше она не писала. Он заметил только через несколько дней, когда, случайно пролистывая переписки в поисках чужого номера, увидел её имя в списке контактов и подумал мельком: странно, что так долго тихо. Подумал и закрыл телефон, потому что нужно было учить текст.

Премьера прошла хорошо. Зал стоя аплодировал после третьего акта, Владимир Сергеевич обнял его за кулисами и сказал что-то про «лучшую роль сезона». Артём улыбался, кивал, принимал цветы от незнакомых людей у служебного входа. Он был занят, по-настоящему занят, тем редким видом занятости, которая заполняет собой всё, не оставляя пространства даже для мысли о том, что где-то в городе есть человек, который перестал ему писать.

Прошло двенадцать дней с той скамейки у театра, когда рано утром зазвонил телефон с незнакомого номера.

Глава 3

Звонок раздался в половине девятого утра.
Артём не узнал номер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.